Мотрошилова Н.В.

Т.И. Ойзерман: «Размышления. Изречения» – историко-философские аспекты

Сравнительно небольшая книжечка Т.И. Ойзермана, опубликованная в 2013 году – от неё далее я буду отталкиваться, в свою очередь включаясь в размышления об актуально-острых философских, историко-философских проблемах, – вызвала желание отозваться на неё, притом в двух разных, но взаимосвязанных публикациях. Первая – «Мир мудрых мыслей Т.И. Ойзермана» – была предназначена для «Философского журнала» Института философии РАН, вторая последует ниже. Необходимость такого двухступенчатого отклика, хотя она отчасти продиктована внешними причинами, вместе с тем содержательно связана с тем, что именно для «Историко-философского ежегодника» особый интерес представляют I часть книги – «Размышления», с подзаголовком «Философия как плюралистическое познание», а также встречающиеся среди «Изречений» (II часть) афоризмы, историко-философские по темам, значению и смыслу[1].

С самого начала скажу о том, почему я придаю значение этой, как сказано, небольшой книжечке необычного жанра – с краткими, иногда на несколько строк, высказываниями-изречениями.

[1] Наилучшему читательскому восприятию моих рефлексий над новыми историко-философскими размышлениями Т.И. Ойзермана способствовало бы предварительное ознакомление с упомянутой статьей в «Философском журнале». 2014. № 1 (12).

Причин тут несколько.

• Лапидарные высказывания специалистов – если они выверены, выстраданы, особенно за долгую жизнь – как бы спрессовывают опыт мысли, опыт жизни. А значит, они интересны для тех, кто подобный собственный опыт уже накопил (можно сравнить выводы, согласившись или полемизируя с автором), но поучительны и для тех, кто подобный опыт только обретает.

• В современной жизни, которая нередко напоминает суетливую гонку, афористичные идеи, тем более в их примыкании к долговременному, а потому неизбежно изменчивому курсу жизни, заставляют остановиться, вслед за автором задуматься и над «бренным», и над сохраняющимся в человеческом бытии, здесь – в непростом деле философа.

• Немаловажно и то, что (относительная) лапидарность предъявляемых и разбираемых формул предоставляет возможность и массовому читателю приобщиться к *итогам* философских размышлений, в специальных случаях подробно обосновываемых в мало доступных ему толстых книгах, пространных научных статьях (с их сложным словесно-терминологическим инструментарием и прочими атрибутами ученых мысли и речи).

• В частном случае Т.И. Ойзермана, мастера философских, историко-философских размышлений, открывается шанс осознать суть и перипетии трудной судьбы философии в турбулентном XX веке, причем в стране, с одной стороны, славной интеллектуальными, художественными традициями, а с другой стороны, пережившей процессы ломки и насилия над богатейшим духовно-культурным наследием. Потому и судьба человека, прожившего столетие и много десятилетий включенного в философское творчество, не может не представлять интереса.

• К этому добавляется удивительный факт, одновременно личностный и исторический: в последние годы противоречивого развития России (во многом трагического для реальных судеб страны, её населения, культуры и науки, но более свободного от внешних принуд и препон) Т.И. Ойзерман, человек определенно талантливый, использовал немалые возможности для пересмотра некоторых своих общих подходов, отдельных идей, о чем он поведал честно и открыто. Более того, он успел провести новые исследования, в том числе по ранее разобранному им кругу проблем, где в ряде направлений осуществил существенные корректировки.

Поскольку история философии – в составе философских интересов Т.И. Ойзермана – с начала его творческой жизни была и до сих пор остается центральным трактом его теоретического пути, постольку и мы в дальнейшем будем придерживаться этого главного маршрута, органично включенного в движение ученого по дорогам философии.

Итоги научной и педагогической деятельности Т.И. Ойзермана: автобиографический взгляд и его основания

В кратком *Предисловии* к рассматриваемой книге Т.И. Ойзерман сам счел необходимым (и думаю, сделал это вполне оправданно) подвести итог тому, что в 2013 году он называет своими «главными достижениями». На первом месте – такое определение: «Мною систематически разработана теория историко-философского процесса»[2]. Существенны указания на те произведения, в которых он начал и постоянно продолжал разработку этой, в самом деле, систематической теории. Это вышедшие еще в советское время «Проблемы историко-философской науки» (1969), «Основы теории историко-философского процесса» (1983), а на рубеже веков и в XXI веке – заметно скорректированные «Философия как история философии» (1999), «Метафилософия» (2009), «Амбивалентность философии» (2011).

Среди названных работ – книги советского времени, которые не могли не носить на себе некоторые следы эпохи в виде идеологических влияний марксизма-ленинизма. Но вполне возможно предметно доказать, что влияния эти не имели – в случае профессиональной истории философии вообще, мета-историко-философской работы Т.И. Ойзермана, в частности, – роковых для научного исследования последствий. Вот почему в постсоветский период Т.И. Ойзерман вполне мог брать идеи и цитаты из более ранних своих сочинений для обоснования хода своих мыслей в поздних произведениях. Например, в ранее упомянутой книге 1999 года он цитировал ещё одну свою раннюю историко-философскую работу «Главные философские на-

[2] *Ойзерман Т.И.* Размышления. Изречения. М.: Языки славянской культуры. М., 2013. С. 8. – Далее при цитировании книги страницы указываются по этому изданию.

правления» (1971 г.) – как и написанную совместно с прекрасным историком философии А.С. Богомоловым книгу «Основы историко-философского процесса» (1983 г.).

Почему такое вообще было возможно – в частности, применительно к истории философии? Ответить на вопрос требуется потому, что философам современных поколений подчас представляется (точнее, им внушают такую мысль): в идеологически жесткое советское время *объективные исследования* в социогуманитарных дисциплинах, а в философии прежде всего были заведомо невозможны. Я уже пыталась вполне предметно ответить на ряд подобных вопросов в различных публикациях постсоветского времени, основанных на тщательных историко-философских разработках. Одна из главных целей состояла в доказательстве того, что история философии и в идеологически несвободные времена не просто предоставляла возможности, но даже предполагала обязательность оперировать объективными, подчас вполне точными фактами и сведениями о жизни, произведениях, идеях и рассуждениях философов прошлого. А потому она всё-таки была и будет, и не только в советское время, но и в любых исторических, в частности, идеологически трудных условиях некоторой нишей, «пребывание»в которой помогает тому или иному философу, стремящемуся именно изучать (а не искажать, в угоду религии, идеологии) философию ушедших в прошлое эпох, хотя бы в некоторой степени придерживаться исследовательского пути. Это, с одной стороны. С другой же стороны, и тут не было ни полной укрытости философа от идеологических влияний, ни абсолютной гарантии того, что даже объективный материал уцелеет от возможных искажений, осуществляемых в угоду идеологии, «партийным» предубеждениям или чисто индивидуальным предпочтениям. А потому все же возникает необходимость вносить – когда и если позволяют прожитая жизнь, пройденный путь – в ранее защищаемые идеи и теории коррекции, уточнения, порой довольно существенные. В том числе и в смысле более последовательного осуществления именно *исследовательского* подхода. Таковые внес и Т.И. Ойзерман по отношению к сумме своих воззрений; они одновременно касались и общефилософских, и историко-философских проблем и разделов его работ. К этому аспекту будем постоянно возвращаться по мере анализа сути воззрений Т.И. Ойзермана и их эволюции в последнее время.

Другим своим важнейшим научным достижением Теодор Ильич оправданно считает существенную ревизию ходячих взглядов на неснимаемую *плюральность философских учений*, которая в разные периоды и у отдельных авторов как внутри философии, так и вне её вызывала негативное отношение, даже обвинения в том, что философия никогда не достигнет – в отличие, скажем, от точных, естественных наук, где как будто нельзя и помыслить о "плюральности" законов и истин, относимых к одной и той же проблеме – и статуса подлинной науки, и даже в чем-то нужной и полезной для индивидов, для человечества суммы знаний.

Третьим основным достижением своей работы в последние пару десятилетий Т.И. Ойзерман считает обоснование идеи об амбивалентности философии. «Все выдающиеся философские учения *амбивалентны*, – пишет Т.И. Ойзерман, – неизбежно впадают в противоречия со своими собственными основоположениями». Даются примеры: «Спиноза был атеистом, верующим в Бога, которого он отождествлял с природой. Кант утверждал, что категории, которыми оперирует рассудок, применимы только к явлениям, существующим в пространстве и времени. Тем не менее Кант применял к "вещам в себе" категории существования, множества, причинности. Да и само утверждение, что "вещи в себе" абсолютно непознаваемы – амбивалентно, так как утверждение об их существовании – акт познания». И далее следует общее заключение: «Амбивалентность не порок, а достоинство, благодаря которому преодолевается односторонняя последовательность» (С. 25).

Лично я считаю эти идеи, а также соответствующие историко-философские рассуждения Т.И. Ойзермана вполне оправданными. Больше того, полагаю, что раздумья над историей философии, взятой как раз в её целостности, преемственности всегда так или иначе противопоставляемых прошлому и современному философскому знанию *оригинальных* учений выдающихся мыслителей, убедительно подтверждают эти новые выводы мета-философского, мета-историко-философского анализа позднего Т.И. Ойзермана. К тому же предполагаю возможность подтвердить и усилить эти относящиеся к философии теоретико-познавательные, методологические раскладки доказательствами того, что и при рассмотрении истории точных наук возможно обнаружить по крайней мере совокупность тех «непоследовательностей» гениальных ученых, которые подчас «противоречи-

ли» самим себе и «истинам» своего времени – и показать, что из таких «отклонений» вырастали подлинно новаторские идеи и революционно-преобразующие методы науки близкого или отдаленного будущего (подробнее об этом – далее).

Прежде чем глубже вникнуть специально в темы плюральности, амбивалентности философии, как их толкует в поздних работах Т.И. Ойзерман, упомяну о прямых опасностях, которые – как поначалу кажется – могут нести с собой названные исследования. А их особенность и вместе незаурядная смелость автора состоит – скажу, забегая вперед – вот в чем: Т.И. Ойзерман не только не «освобождает» философию, историю философии от названных ранее свойств и особенностей, но в отличие от догматического марксизма признает как раз их специфическими отличиями и одновременно преимуществами философии! Могут спросить: не помогает ли он тем самым прежним и новым противникам философии, критикам истории философии стереть философские маршруты с вчерашних и завтрашних карт достойного научно-теоретического поиска? Если бы такие сомнения или обвинения появились, я бы не удивилась. Ибо Теодор Ильич решился на нечто отчаянное. Но в конце концов – здесь снова мое мнение – ему удалось как бы пройти по острию запутанных проблем и в конечном счете сделать это на пользу философии, в частности истории философской мысли.

Резюмирую: внутренняя интрига поздних работ нашего коллеги, их новаторская убедительность состоит именно в той специфической теоретической, методологической оптике, в силу которой плюральность, амбивалентность не просто *признаны* несомненными специфическими отличиями философии (и усилены, подтверждены новыми фактами), но и *убедительно оценены* – в противовес распространенным обвинениям – как *немалые преимущества* философии вообще, истории философской мысли, в частности, как выполнение их непростых, невосполнимых чем-то иным функций в истории культуры.

Осветим далее более конкретно, но по необходимости кратко, эти, как сказано, парадоксальные ходы и результаты мысли, резюмируемые Т.И. Ойзерманом в книге «Размышления. Изречения» и относящиеся к главным темам её первой части, названной «Философия как плюралистическое познание».

Подробнее о плюральности философских идей и определений

Во все века, когда существовала, существует и будет существовать философия, внутри, да и вне её поднимался и будет подниматься вопрос: «Что такое философия?». Суть дела не в том, верно поясняет Т.И. Ойзерман, что философы якобы не знают (в отличие, скажем, от математиков), чем они в этой своей философии занимаются. Они не только знают, как и над чем им следует работать, но – и при всех спорах и разногласиях – способны понимать сделанное предшественниками и современниками нисколько не хуже физиков или математиков.

Проблемы и трудности их жизненного дела состоят в другом. Как справедливо констатирует Т.И. Ойзерман, в истории философии формируются «разные, и как правило, взаимоисключающие философские учения… каждое из них по-своему понимает и предмет своего исследования, да и само понятие философии» (С. 19). Со всеми подобными внутрифилософскими размежеваниями связаны и другие дискуссии – например, спор о том, является ли философия наукой, или о том, что такое вообще научная философия, да и существует ли таковая.

К истории философии, к определению её не только внутрифилософского, но и общекультурного статуса все эти проблемы и споры имеют прямое отношение. От них в адрес историко-философских занятий, исследований (также от соответствующих институциональных, а сегодня – круто управляющих наукой структур) исходят прямые вызовы и критика, принимающие разные формы.

Поскольку одна из линий такой критики касается как раз плюральности, неоднозначности философских ответов на одни и те же вопросы и поскольку критики ожидают от философии, от её истории «единственно верных», «истинных» определений, вполне доступных *всякому человеку* ответов на одни и те же вопросы и не находят их – постольку требуется, опираясь на разработки позднего Т.И. Ойзермана, основательнее вникнуть в релевантную проблематику.

Насчет однозначных определений, относящихся к философским понятиям, проблемам, Т.И. Ойзерман дает ответ, скорее убеждающий таких критиков в их правоте относительно самого смысла философии и её понятий: «Нет и не может быть общепринятого определения понятия философии» (С. 21).

Сложность ситуаций с внешними, в данном случае для философии, нападками утяжеляется тем, что и внутри самой философии, особенно во второй половине XX века и в XXI столетии (в частности, благодаря усилению позитивистско-аналитического фронта), достаточно явно обозначился фланг философов, в своих конкретных областях (скажем, в логике науки) вполне продвинутых, в отношении же истории философии настроенных не просто негативно, а подчас попросту разрушительно. Да и вообще (как в современных размежеваниях аналитической философии с другими, более традиционными направлениями) дело доходит до того, что философы-аналитики объявляют свою работу в философии более (или единственно) «современной», «научной», другие направления «устаревшими», а то и полностью преодоленными-де прогрессом научного разума. Мне неоднократно приходилось писать об истоках, содержании и (с моей точки зрения) пагубности всплеска подобных умонастроений. Иногда их носителями (больше всего в отечественных условиях) являются просто невежественные люди, которых считаю оправданным назвать «новыми Геростратами». Комплекс подобных тем и проблем истории философии Института философии РАН, вместе с коллегами из университетов Москвы и других городов, обсуждали на специальной конференции в ноябре 2012 года[3].

Напомним, философов упрекали и упрекают не только в плюральности, неопределенности, неоднозначности их определений, рассуждений, но ещё и в том, что на некоторые острые вопросы, поставленные их временем (и не только, разумеется, перед философией), они отвечали… новыми вопросами. Но в отличие от критиков, Т.И. Ойзерман полагает: здесь сказалась не некая ущербность философии, а скорее специфика, связанная с её преимуществами: «Парадоксальные постулаты и выводы – необходимый признак философии. Философские суждения, даже если они отвергают, третируют разум, не признавая его, так сказать, юрисдикций, тем не менее выносятся

[3] См. книгу: История философии: Вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2014, в которой имеется немало материалов, иллюстрирующих распространенность подобных идей в разных странах (см. тексты Т. Рокмора, К. Вестфаля, М. Быковой), а также предоставляющих доказательства того, насколько продвинутые специальные исследования в этике, философии науки и т. п. нуждаются в истории философии и в лучших случаях практически опираются на историю философии и на новейшие историко-философские исследования.

на суд разума, который, конечно, независим от философии, хотя именно в ней он обретает своё самопознание» (С. 28).

Приведенный Т.И. Ойзерманом пример со столкновением в истории философской мысли противостоящих рационалистических и иррационалистских учений считаю вполне релевантным. В марксистско-ленинской философской традиции, как известно, их противопоставляли контрадикторно и упрощенно. Рационализм относили к «прогрессивным» учениям, однозначно одобряемым, а критику разума, с уклоном в неверие в великие-де способности разума, – к тем концепциям, которые надо заклеймить и в конечном счете «вычесть» из «прогрессивного» философского наследия. Т.И. Ойзерман (в названных новых книгах – подробно) доказывает, что в *общее* наследие философской мысли, важное для сегодняшнего дня и для исторической перспективы, входят не только однозначно рационалистические учения, но и те талантливые, профессиональные концепции, создатели которых вскрывали – и ведь не мнимые, а вполне реальные – ограниченности разума, науки, отвергали преувеличенные амбиции, несбыточные обещания, раздаваемые от их имени.

Итак, основные идеи, доводы относительно плюральности, амбивалентности концепций философии не как (мнимого) изъяна философского знания, а – наоборот – как её специфического преимущества, обстоятельно развитые Т.И. Ойзерманом, как отмечалось, в ряде его поздних работ, резюмированы в рассматриваемой книге. Здесь я лишь кратко подытожу им сказанное.

Главный в этом контексте тезис Теодора Ильича (сформулированный на основании множества теоретических выводов, аргументов, ссылок на исторический опыт философии) состоит в следующем: «…существование множества противостоящих друг другу философских учений – не порок, дискредитирующий философию, как полагали многие выдающиеся философы, а главное достоинство философии, состоящее в том, что постоянно умножаются концепции, идеи, понятия, обогащается содержание философии, отнюдь не сводимое к содержанию какого бы то ни было великого, гениального учения» (С. 9). А в книге «Философия как история философии»[4] автор констатирует, что различные, но истинно содержательные философские учения, пусть они противостоят друг другу, в общем историческом балансе человеческого знания «фактически, несмотря на разногласия, дополняют друг друга» (Там же).

[4] *Ойзерман Т.И.* Философия как история философии. М.: Канон+, 1999.

Есть немало более частных аспектов, релевантных темам плюральности, амбивалентности и тоже используемых противниками в их критике философии (и истории философии). Это, скажем, напоминания противников философии о наличии в самых известных философских учениях всякого рода апорий, антиномий, парадоксов – что представляется критикам дополнительными свидетельствами неоднозначности, неясности, размытости философского знания, стало быть, его неполной пригодности – а некоторые думают: полной непригодности – для использования в науке и за её пределами. Теодор Ильич не уходит от обсуждения и подобных частных вопросов. Создается впечатление: он даже как бы собирает сходные упреки и затруднения, но для того, чтобы использовать их новую трактовку… в пользу философии.

Сначала я своими словами и отчасти в своем понимании обозначу основную траекторию обоснования упомянутого главного тезиса. Преимущества философии, (а также, в частности, истории философии) оправданно видеть как раз в наибольшей близости к *реальным процессам* мыслительной деятельности и всей жизнедеятельности человечества. Ибо последние как раз плюральны, амбивалентны, часто антиномичны, апористичны. Это касается неущербной, в целом плодотворной, достигающей практических результатов мыслительной деятельности одного человека. А тем более относится к совокупности подобных же познавательных, мыслительных усилий многих поколений людей, вплетенных в историческую практику. И если некоторые философско-гносеологические (а ещё более – логические) концепции стремятся «очистить», «привести ко всеобщности» результаты и методы мысли, то должны же существовать, развиваться и те учения, в которых отображается неоднолинейность, именно плюральность и амбивалентность «неочищенного», действительного человеческого познания. При этом речь должна идти не только о познавательных аспектах. Необходимо учесть весь многокрасочный спектр деятельности отдельных людей, их объединений, а как бы виртуально – и всего человечества, чтобы убедиться в приложимости к ним идей плюральности, амбивалентности, антиномичности.

Приведу прекрасную цитату из книги, которая четко фиксирует поистине универсальную жизненную укорененность ранее охарактеризованных идей Т.И. Ойзермана о плюральности, амбивалентности философии: «Историко-философский процесс, нередко уподобляемый комедии ошибок, блужданию в лабиринте, анархии систем и си-

стемок, образует одно из важнейших измерений интеллектуального прогресса человечества. Поиски правильного мировоззрения, дивергенция философских учений и их поляризация на взаимоисключающие направления, борьба направлений, которая зачастую воспринимается как перманентный философский скандал, – все это не только искания, муки и заблуждения отдельных философствующих индивидов. Это духовная драма всего человечества, и те, кому она представляется фарсом, по-видимому, истолковывают трагическое лишь как idola theatric. Антиномии, в которые впадает философия, кризисы, потрясающие ее, попятные движения, повторение пройденного пути, в том числе и совершенных в прошлом заблуждений, упорно принимаемых за истины, – разве эти факты характеризуют одну только философию? Философия – духовный образ человечества, и ее достижения и злоключения составляют существеннейшее содержание его интеллектуальной истории» (С. 37–38. № 20). (Вряд ли необходимо оговаривать, что самого по себе стремления философа возражать, противоречить, оригинальничать не достаточно, чтобы «войти» в историю философии, и что для этого нужны многие другие совершенно необходимые предпосылки, которые здесь не обсуждаются).

Обсуждая тезисы Т.И. Ойзермана о плюральности и амбивалентности как неотъемлемых особенностях философии, необходимо учитывать и его ссылки на (сложившуюся и разветвившуюся к нашему времени, но за века до нас постепенно оформлявшуюся) если не необозримую плюральность, то большое *разнообразие подходов в пределах системы философских дисциплин*. Теодор Ильич называет онтологию, гносеологию, логику, этику, эстетику, философскую антропологию, философию истории, историю философии и (тут деление уже по другому признаку) учение о языке. Поднимается – на современном уровне – вопрос о том, правомерны ли иной раз выдвигаемые требования определить, «какая из этих дисциплин является, пользуясь выражением Аристотеля, первой философией» (С. 35). Эти ответы, особенно к нашему времени, плюральны, в том числе и в силу дополнений к фактору плюральности из-за существования разветвленной системы дисциплин.

Т.И. Ойзерман спрашивает (и в ответе его эпилог-резюме к обсуждаемым темам), можно ли если не совсем отвлечься от многообразных споров, разногласий между отдельными философами (какие бы из философских эпох и «региональных» целостностей философии мы ни рассматривали), то воспринимать их все же как спаянную и

продуктивную культурно-историческую целостность, достояние человеческой истории?

В целом положительный ответ Т.И. Ойзермана представляется возможным поддержать, ибо он предлагает не только вполне приемлемое решение, но и вдохновенное живописно-образное рассуждение по поводу этой общей целостности философии. Надо признать, пишет Ойзерман, что «неисчислимое множество философских учений, школ и школок, направлений, систем и системок образуют с трудом обозримый архипелаг философии, в котором отчетливо выделяются не только острова и полуострова, но и возвышающиеся над ними вершины – философские Эвересты, Монбланы, Эльбрусы, Казбеки и не столь уж высокие Татры, Карпаты, Рудопы и т. д.» (Там же). Отсюда следует многое: и необходимость уважения к совокупной философской мысли человечества, и понимание неимоверных трудностей освоения высочайших, да и просто высоких её вершин, и обоснованные предположения, что и сегодня, и завтра всегда плюральные по результатам восхождения будут продолжены. Конечно, из сказанного вытекает также, сколь абсурдно высокомерие тех «философов» и «ученых», которые по тем или иным причинам предлагают просто отказаться от трудных, обременительных и к тому же нисколько не нужных-де науке, культуре освоений «архипелага» философии. И несомненно предполагается внимание, а также глубокое уважение к неснимаемому *своеобразию* (а ведь это – существенный исторически невычитаемый оттенок плюральности) философий различных стран, регионов, эпох. Что бы ни говорили агрессивные новые Герострaты, философия, в истории ни в одну эпоху не прерывавшая своего развития именно во всем разнообразии её форм, скорее всего, будет существовать и развиваться, пока существует человечество.

* * *

Здесь добавлю (как и было ранее обещано) рассуждение о том, что факторы плюральности и амбивалентности как отличия *реальных процессов развития знания и познания* (обычно относимые лишь к философии) имеют место не только в философии, её истории, но и в истории точных, естественных наук. В этом рассуждении буду опираться на выкладки и выводы В.С. Стёпина, одного из отечественных философов, авторитетных и признанных в качестве специалистов мирового класса в области философии и истории научного, в частности естественнонаучного, познания.

• В.С. Стёпин плодотворно, на мой взгляд, включает обсуждаемую проблематику плюральности, амбивалентности, антиномичности знания в более общие теоретические рамки исследования сложных саморазвивающихся систем. Для развития таких систем, к которым принадлежат и природный мир, и социальные образования (какова культура, а в её рамках, например, философия или искусство), обязательным условием является наличие того, что В.С. Стёпин именует фазовыми переходами, т. е. качественными изменениями таких систем. В свою очередь непременной предпосылкой уже и начала перехода от одной ступени к другой становится, согласно В.С. Стёпину, сцепление (конечного) множества, т. е. плюрализм, целый набор форм, необходимых для будущего развития соответствующих систем. В частности, в сферах (системах) духовного творчества это выражается в поставляемых работающими в них индивидами плюральных, часто и противоречащих друг другу подходов, решений, и в способности тех и других в свое время, рано или поздно обретать парадигмальный для системы характер. Это в точности соответствует, полагает В.С. Стёпин, центральному свойству всех без исключения саморазвивающихся систем – как в природе, обществе, так и в частных, особых их целостностях (такова и научно-исследовательская деятельность, с некоторого исторического периода входящая в куда более обширную целостность, именуемую культурой).

Здесь складываются, согласно Стёпину, специфические исторические закономерности, которые он и поясняет на выразительных примерах из истории естествознания. Один из них (о котором здесь можно говорить лишь сжато, отсылая читателей к соответствующим текстам В.С. Стёпина) – борьба направлений в классической электродинамике, а именно идей и разработок Ампера–Вебера и Фарадея–Максвелла[5]. Значение этого примера – в связи с обсуждаемой проблемой плюральности – состоит в обстоятельном доказательстве В.С. Стёпиным того, что и история естествознания демонстрирует не только наличие, но и функциональность для науки как раз плюральных, расходящихся подходов, из которых в данный исторический период одни теории, методы открывают преимущественную и актуальную возможность получения новых научных результатов (как это было с концепциями Ампера–Вебера), а другие (что показано на примере подходов Фарадея–Максвелла) накапливают знания и про-

[5] См.: *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 611 и далее.

являют свою значимость на более поздних этапах создания теории (в свою очередь в них предполагаются, проходятся и предсказываются новые, перспективные пути научного познания).

В оптике *статического* подхода, ориентированного на «сегодняшний день», господствующие концепции и идеи властвуют как бы единолично, даже абсолютно. А в свете перспектив, т. е. *динамического* развития, важен как раз плюральный по составу накапливаемых знаний, устремлённый к будущим перспективам процесс, имеющий место также и в естественно научном познании. Однако и в каждый данный «момент» пристальный исторический взгляд позволяет обнаружить и в наличном составе знания *расходящиеся*, но равно обоснованные подходы, замыслы, решения (такие, например, как перспективные, но до поры до времени не победившие идеи К. Гаусса и Г. Римана).

Общий вывод этого шага рассуждений (опираясь на раскладки и концепции В.С. Стёпина, но внося сюда и свои соображения) могу сформулировать примерно так. Тезис Т.И. Ойзермана о плюральности, амбивалентности как отличии и преимуществе философских знания и познания полезно дополнить концепцией, в рамках которой необходимо и возможно развернуто показать и доказать: в точных, естественных науках – если брать их не в статике, а в историко-динамическом процессе – также наблюдается плюральность как особенность их развития, причем её вполне оправданно трактовать не как недостаток, а напротив – как значительный потенциал их исторического развития. Значит, Т.И. Ойзерман в принципе имел бы право говорить о плюральности (взглядов, концепций, подходов, решений) как о важной *общей черте развития человеческого научного познания как такового.* Но он, к сожалению, увлекся (на мой взгляд) идеей о том, что плюральность, амбивалентность суть особенности и преимущества одного лишь философского знания и познания.

Материализм и идеализм: новые подходы

Освобождение от пересмотренных (в том числе историко-философских) догм – в нашей стране вообще, в случае Т.И. Ойзермана, известного в мире специалиста по философии марксизма, – предполагало в качестве важнейшей части, даже и предпосылки, выработку нового отношения к марксизму как таковому, а также к его философской и историко-философской составляющим. Ранее

упомянутая его книга «Марксизм и ревизионизм» подробно обосновала суть и характер изменения соответствующих позиций Т.И. Ойзермана. (Отвлекаюсь от того красноречивого факта, что книги и тезисы Т.И. Ойзермана, выразившие его новое отношение к марксизму и наиболее ярко запечатленные как раз в самом заголовке одной из книг – «Оправдание ревизионизма», вызвали сопротивление ряда коллег, преданных традиционному марксизму и его философии.)

В афоризмах и рассуждениях Т.И. Ойзермана, «ревизующих» ряд подходов марксизма (и делающих это в научном, а не чисто идеологическом смысле), немало проблемных аспектов и оттенков. Они касаются, например, решения традиционных для марксизма проблем частной собственности, понимания истории, гуманизма, идеологии, (афоризмы № 32–37). Входить во все эти проблемные аспекты нереально (тем более что серьёзно обсуждать их надо не в контексте книги с относительно краткими, резюмирующими формулами, а привлекая к рассмотрению упомянутые ранее обстоятельные сочинения).

Вернусь к книге «Размышления. Изречения» – и в ней тоже кратко запечатлены основные идейные, теоретические, проблемные векторы изменений его мысли, касающиеся марксизма, и общие позиции, оставшиеся неизменными. Но все это буду рассматривать в основном по отношению к истории философии.

Подчеркну: от некоторых позиций автор не склонен отказываться, однако и тут считает необходимым внести существенные дополнения. Приведу показательные примеры.

• Т.И. Ойзерман по-прежнему считает, что «материализм одержал победу над идеализмом», но полагает необходимым сразу добавить: «…это вовсе не означает, что он не подлежит критике». Критика развертывается в разных направлениях. Главное из них: материализм «не шел дальше утверждений, правомерных лишь в рамках физиологии животных и, в частности, человека» (С. 45). (Думаю, как общее заключение о материализме сказанное не подходит, ибо не вполне точно фиксирует проблему.) Совершенно неприемлемо, считает теперь Т.И. Ойзерман, одно из центральных положений уже исторического *материализма*, «согласно которому общественное бытие, т. е. реальный процесс общественной жизни, существует вне и независимо от общественного сознания, духовного вообще» (С. 47). С чем трудно не согласиться.

К этим же линиям размежевания с господствовавшими ещё «недавно» философскими, в частности, историко-философскими догмами, принадлежит оправданная критика Т.И. Ойзермана в адрес тезисов о непрестанной, якобы, борьбе материализма и идеализма в исто-

рии философии и, конечно же, о гарантированной-де победе материализма в этой борьбе, объявляемой главным содержанием историко-философского процесса.

Т.И. Ойзерман, на основе многолетнего и тщательного изучения исторического процесса развития философии, показывает, сколь многое в истории философии явно противоречит этим марксистско-ленинским историко-философским догмам. Он пишет: «Борьба материализма против идеализма или борьба идеализма против материализма – несостоятельное основоположение марксистской истории философии» (С. 26). В подтверждение этой идеи Т.И. Ойзерман напоминает о реальных фактах из истории мысли: материалисты лишь «изредка высказываются против идеализма»; идеалисты тоже занимаются опровержением материализма весьма редко. «Однако действительная, никогда не прекращающаяся, ожесточенная борьба развёртывается между идеалистами» (Там же). Эти наблюдения и выводы тоже представляются вполне обоснованными. (В скобках замечу: в свете этих, вполне обоснованных, констатаций сомнение вызывает также однозначное утверждение Т.И. Ойзермана о том, что к настоящему времени «материализм одержал победу над идеализмом». Скорее всего этот вопрос требует именно современных исследований-проверок.)

К сказанному можно было бы сделать ряд добавлений (да в более подробных текстах Т.И. Ойзермана подобные добавления имеются).

• В рамках догмы о неотъемлемости борьбы материализма и идеализма от *всего* историко-философского процесса специального критического опровержения заслуживают те вылившиеся в целые блоки историко-философских сочинений по видимости антиковедческие работы, основной задачей которых считалось внедрение борьбы материализма и идеализма в древнейшие эпохи начального философствования. Между тем вряд ли опровержимый факт состоит в том, что не только в пределах древней, т. е. античной философии, но и в более поздние века не сформировались обобщающие понятия «материализм» и «идеализм» (хотя термины «идея», «материя» – древнего происхождения). Многие века истории философии прошли без внятного размежевания материализма и идеализма – по той очевидной причине, что не только терминологически, но и по содержанию в глубокой древности ещё не произошло именно такого самосознания и самоопределения, соответственно взаимного противостояния философских учений.

Впрочем, в наше время тут (так же как и в случае приложения других терминов куда более поздней философии не просто к более

ранним, но на целые тысячелетия и столетия отстоящим от нас подлинно древним учениям) пролегает поле несогласия, дискуссий *современных* исследователей относительно оправданности или неоправданности применения к учениям седой древности понятий, категорий, появившихся в философии, как сказано, на целые столетия позже. Аналогично и применительно к вопросу о борьбе материализма–идеализма некоторые авторы считают не просто возможным, но и необходимым – как это делали в советские годы – без оговорок именовать Демокрита «материалистом», а Платона «идеалистом» и прослеживать в древности – согласно ленинскому клише – «борьбу линий Демокрита и Платона». (В это специальное размежевание вдаваться не буду, оставив его для специальных дискуссий. Замечу только: хотя противостояние таких «линий» уже в древности действительно имело место, оно не случайно не было заключено в рамку «материализм–идеализм» как самими его участниками, так и многими последующими философами и историками философии.)

«Разные разности»

«Разные разности» – так Т.И. Ойзерман назвал заключительный, достаточно подробный раздел (С. 176–215, афоризмы 398–551) своей книги. Здесь – собрание афоризмов, в самом деле относящихся к самым разным сторонам, обстоятельствам, парадоксам и апориям – и философии, и обыденной жизни, и внутреннего мира личности, т. е. снова же плюральности, амбивалентности жизнедеятельности, сознания, поведения и индивидов, и человеческих общностей. Разговор Т.И. Ойзермана с потенциальными читателями в этом разделе становится исповедальным, особенно доверительным, раздумчивым, нежестким (поливалентным). И к тому же он окрашен, что вполне понятно, в грустные тона, неизбежные для человека столь почтенного возраста. Именно *почтенного*, ибо как же не почитать долгую, не только «все ещё» творческую, но, возможно, самую свободно-творческую пору жизни…

Далее – кратко о наиболее впечатляющих (опять-таки в моем, разумеется, восприятии) афоризмах и размышлениях, хорошо дополняющих ранее сказанное.

Целый ряд афоризмов повествует о том, насколько высокие задачи, ориентиры, задаваемые извне и так или иначе интериоризированные (особенно мыслящими) индивидами, отличаются от реального

духовного рисунка их жизнедеятельности и её итогов. «Есть цели, – пишет Т.И. Ойзерман, – достижение которых убеждает нас в том, что мы получили совсем не то, к чему стремились» (С. 176, № 398). Или: «Все люди в большей или меньшей мере утописты. Они стремятся к недостижимому, и хотя никогда его не достигают, тем не менее все более приближаются к нему» (С. 180, № 412). Насчет «приближения» к «недостижимым» целям – сомневаюсь… Что же касается идеи об утопизме как черте «всех людей», могу согласиться, но с различными оговорками. Например, с такой: в наше время, когда утопизм менее чем когда-либо характерен и для обыденного сознания, и для теорий, решающие различия между людьми пролегают скорее в плоскостях сохранения или утраты индивидами хоть каких-то общезначимых жизненных целей и ценностей…

Примечательно, что в рассматриваемом заключительном разделе книги Т.И. Ойзерман вообще скорее и чаще ставит читателей перед вопросами, нежели предлагает однозначные ответы на них. И все это вопросы насущные, коренные также и для истории философской мысли; иногда говорят, что они – «вечные» проблемы философии. Пример – афоризм № 417; он одновременно историко-философский и смысложизненный, ибо касается вопроса о совести. «Кант вслед за Ж.Ж. Руссо (и не без влияния последнего) утверждал, что всем людям без исключения присуща *совесть*, которая недвусмысленно (более того: категорически) говорит ему, что́ хорошо, а что́, напротив, плохо. Бессовестный человек, с точки зрения Руссо и Канта, вовсе не лишен совести, он просто игнорирует или презирает её веления. Я полагаю, – замечает Т.И. Ойзерман, – что Руссо и Кант заблуждались. Совесть – культурно-исторический феномен, который существовал (и существует) далеко не при всех (т. е. любых) исторических условиях. Совесть, вообще говоря, не присуща человеку от рождения» (с. 182, № 417). В кратком афоризме (и в отклике на него) невозможно доказательно и подробно представить суждения философов, а также обосновать собственное отношение к этой философско-этической проблеме, одной из самых специальных и в то же время относящейся, по сути (хотя и по-разному) к любой эпохе и к каждому человеку, наделенному здравым смыслом и неповрежденным сознанием. Но и при таких оговорках можно в целом согласиться с Т.И. Ойзерманом в том, что социально-исторический, в частности культурно-исторический подход к проблеме совести принципиально необходим. (В скобках замечу, что его элементы можно найти и в рассуждениях Руссо или Канта.) Но полагаю, что Кант и Руссо тоже

не «заблуждались», когда вступали на путь как бы всеобщего рассмотрения, предполагавшего существование трансисторических структур индивидуального жизнедействия. Словом, и их подходы имеют свои оправдания. Кант, думаю, был по-своему прав, когда рассуждал о «голосе совести», заставляющем трепетать даже закоренелого преступника… Это ведь во многом верно – хотя и модифицируется в зависимости от того, что́ историческое развитие обществ, культуры вносят в само существование и «слышание» индивидами «голоса совести». И не только его, но, скажем, и голоса правового сознания, к которому многие индивиды, и больше всего в России, настолько не привыкли прислушиваться, что представляется: правовое сознание у них – на уровне нулевой, даже отрицательной величины. (Здесь, кстати, весьма нужны нового типа философские размышления, опирающиеся на конкретные социологические исследования, которые профессионально зондировали бы состояния массового сознания.) Но в современных условиях (и у нас, и за рубежом) дорогостоящая социология массового сознания далеко не всегда заслуживает доверия, ибо сильно пристегнута к власти и политике.

Ряд афоризмов Т.И. Ойзермана посвящен как раз проблемам политики, власти, а также идеологии, которая в нашей стране сравнительно недавно насильственно внедрялась чуть ли не во все области жизнедеятельности (не исключено, что в новейшее время власть будет предпринимать массированные попытки сделать фактом жизни нашей страны формирование, потом влияние «нашей», «российской» идеологии…) Теодор Ильич, опираясь на многолетний опыт жизнедеятельности в рамках философии (а она в советское время мыслилась не просто как часть, но как ядро идеологии) предупреждает о *существенных изъянах идеологизированного мышления*. Например, о таком его отличии, как попытки задать в качестве якобы реализуемых целей и вполне решаемых задач такие, которые в принципе неразрешимы. «…Люди, политики, правительства, международные правительственные органы, – зорко подмечает Т.И. Ойзерман, – постоянно стремятся разрешить неразрешимые задачи, *вопреки тому, что политическая экономия, политология, философия, другие гуманитарные науки убедительно доказали их неразрешимость* не только в данных конкретных исторических условиях, но и вообще, безотносительно к каким бы то ни было историческим условиям» (С. 205. № 508. курсив мой. – *Н. М.*)

Подчеркнутые мною курсивом слова в афоризме Т.И. Ойзермана акцентируют внимание на одном типичном социальном парадоксе совре-

менности: при существовании в разных странах профессионального, иногда продвинутого знания в целой системе социогуманитарных дисциплин – власть, её идеологи не спешат опереться на его научно-обоснованные результаты. «В лучших случаях» они делают это сугубо выборочно, выхватывая отдельные удобные им выводы или формулировки. Вообще власти предпочитают (чтобы сделать вид, будто мнения «экспертов» им известны) опираться на суждения и писания ближних советников, «назначенных» на роль соответствующих специалистов-идеологов. (А те, как правило, говорят лишь удобное «хозяину»…)

Что же касается постоянного, на протяжении всей истории существования особого племени политиков, то их типологические качества, по Ойзерману, не слишком меняются от одного исторического этапа к другому: «Политик – человек, который говорит то, что по его мнению, надо говорить, и умалчивает о том, что, по его мнению, не надо говорить. То, что он говорит, не находится в обязательном соответствии с тем, что он думает» (С. 202. № 499). Можно добавить: в наше время эти свойства политиков интериоризируют люди, впрямую зависящие от власти и получаемых от нее больших денег – «приближенные» бизнесмены, ключевые фигуры средств массовой информации, хорошо узнаваемые «доверенные лица» из сфер культуры, из «ручных» партий, других общественных организаций и структур…

Так называемая «демократизация» (отнюдь не тождественная подлинной демократии) вносит и здесь важные нюансы, о которых Теодор Ильич пишет вполне верно: «Политика в демократическом обществе есть искусство привлекать на свою сторону массы граждан, провозглашая заманчивые, но заведомо невыполнимые обещания, внушая убеждение в их выполнимости и оправдывая в дальнейшем их невыполнение ссылками на не зависящие от политика обстоятельства, которые тем не менее объявляются преодолимыми» (С. 207. № 514).

От себя замечу: такие афористические суждения о политике и политиках, об их особом сознании – несомненно, двойственном и даже раздвоенном, заведомо подчиненным и одновременно манипулирующем сознанием других людей и т. п. – такие суждения, с одной стороны, находят множество подтверждений в практике политической (и около-политической) деятельности. С другой стороны, в наше время, когда «за окном» или в телевизионных репортажах людей окружает страшная реальность социально-политических взрывов (в последние годы – отдаленный от нас, но всё более Ближний Восток,

а теперь уже территориально близкая России и к России взорвавшаяся Украина), – *от политиков настоятельно требуются иные качества и способности*. Долгое время пребывавшее на полях (ad marginem) истории (настоящие войны, в том числе гражданские, разноцветные революции, обагряемые цветом проливаемой крови, черным дымом пожаров и запахом разрухи) – всё это становится ужасающей, почти повсеместной повседневностью. А значит, от политики и политиков требуются особые качества, прежде всего бесспорная ответственность, от которой в относительно спокойные времена они успешно увиливают. И умение глубоко мыслить… Здесь – также и относительно новые вызовы, обращенные к политологии, политической философии. В мире – в том числе в «мирах» политики, идеологии – ко всему этому совершенно не готовы…

* * *

И в заключение – о ряде афоризмов Т.И. Ойзермана, касающихся пары противоречиво взаимосвязанных, равно необходимых свойств отдельного человека и человечества. Это память и забвение.

Память, воспоминания о прошлом неотъемлемы не только от опыта отдельных личностей, но от реального сцепления времен как в истории человечества, так и в целостности отдельной личности, «Прошлое не исчезает бесследно, а входит в настоящее, преобразуясь в нем. И то, что человечество не может вполне освободиться от прошлого, не только обременяет его, но и способствует его прогрессу и самоидентификации» (С. 211. № 532). Кстати, история философии – это сама «специализированная» память. И когда кто-то хочет вычеркнуть историю философии из культуры, он прописывает человечеству микстуру беспамятства…

Вместе с тем, реальная «память» – категория, неотделимая от «забывания», «забвения», потому что последнее есть внутреннее свойство самой памяти. «Забывчивость, – пишет Т.И. Ойзерман, – удивительное свойство памяти, способной не только вбирать в себя впечатления, знания, наказы, обязательства и т. д. Забывчивость присуща всем возрастам… Забывчивость многообразна» (С. 178–179. № 407). Или: «*Забвение*. Существует ли в каком-либо другом языке столь выразительное, благозвучное, многозначное по своему содержанию слово?» (Приводятся сходные английские, французские, немецкие слова, которые «говорят о том, что забыто».) «А ведь забвение не просто исчезнувшее в памяти; оно сохраняющееся в ней и потому

незабвенное, без которого, как без памяти, жизнь лишается смысла» (С. 178. № 406).

Итак, и сохранение в памяти, и забвение – свойства сознания, самосознания как отдельных людей (конечно, при неповрежденных, хотя бы в целом, механизмах сознания, в частности, памяти), так и их объединений, тех или иных социально-исторических целостностей. (Кстати, осмысление того, как все это соотносится в истории человечества и в чем это важно для истории философии, интересно разобрано у ряда мыслителей, например у Гуссерля, Хайдеггера, Поля Рикёра, и у тех философов, зарубежных и отечественных, которые известны своими работами об их творчестве.)

В жизни отдельных личностей то, что удерживается в их памяти и что подвергается забвению – обстоятельство, важнейшее для собственной истории разных людей, притом глубоко сокрытое, интимное и лишь изредка сообщаемое. Но само по себе свойство личности – и забывая – помнить не просто достойное воспоминания, но независимо ни от чего вспоминаемое есть залог самой возможности так или иначе объективируемого исторического сознания. А народ, нация без исторической памяти или с искореженной, постоянно переписываемой памятью обречены на многие трудности и испытания…

Что же касается памяти о больших кругах жизни и общения, снова повторю то, о чем не раз писала в воспоминаниях о друзьях и коллегах, ушедших из жизни раньше нас: пока живем, помним, пока помним, живем…

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2014.

Ойзерман Т.И. Размышления. Изречения. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Ойзерман Т.И. Мир мудрых мыслей Т.И. Ойзермана // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 107–116.

Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб.: Алетейя, 1999.

Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.